Стенограмма речи [В. Е. Сержанта] на собрании владивостокских партизан и красногвардейцев, 1932 год

DOI dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2017-2/112-123

Продолжение.
Начало см. Известия Восточного института, 2014, № 2. С. 101–116, 2015, № 1. С. 79–91, 2016, № 4. С. 125–132, 2017, № 1. С. 94–107.

Публикацию подготовили:
В. Н. Караман,
электронная почта:
karaman-v.n@mail.ru;
Я. А. Барбенко,
электронная
почта: prohist@narod.ru

В момент взятия лошадей, отряд т. Назаренко не предвидя возможности моего появления в данном месте, принял нас за белых и открыл сильный ружейный огонь по нас. Наше счастье было в том, что пулеметчик находившийся в распоряжении т. Назаренко Николай Шуба струсив артиллерийского огня, открытого белыми из Ольги и судов находившихся в бухте по возвышенности, на которой находился отряд т. Назаренко – убежал с пулеметом. Стрельба партизан не успевших занять указанных им позиций, на далеком расстоянии не могла причинить нам урона и только случайная пуля ранила в живот одного из партизан, крестьянина дер. Скобелево. Все же обстрел своих сыграл большую моральную роль, небольшая кучка партизан, находившаяся под моим командованием, потеряла боевое настроение. Несмотря на это я все же перевел их за собой через реку Ольгу и оказался в тылу группы белых, которая стреляла из пулемета в сторону отряда Глазкова. Желая захватить их вместе с пулеметом и находясь в непосредственной близости от них я стал продвигать партизан по зарослям поближе к белым. В этот момент Григорий Милай сидя верхом на лошади убитого мной белого кавалериста выехал на открытое место снял шапку и махая ею в сторону отряда Назаренко крикнул: «Товарищи, не стреляйте, это мы – я Милай и Сержант». До белых было гораздо ближе, чем до отряда Назаренко. Белые услышали это. Перевели пулемет в нашу сторону и начали... Так неожиданно ...лось положение и это вызвало некоторое замешательство среди отряда. Мне пришлось вывести его обратно за Ольгу и залечь выше брода на месте старого разрушенного кирпичного завода. Но и здесь мы не могли заниматься спокойно боем с белыми т. к. отряд т. Назаренко совершенно не видел белых и видел только нас и усиленным огнем выжил нас с этого места. Мне пришлось отойти еще немного выше и занять новую позицию, с этой позиции мы расстреливали белых, отступавших из-за реки Ольги. Отряд Назаренко не прекращал огня по нас. К этому времени подошли главные силы белых из г. Ольги, и мой отряд очутился под ружейным и пулеметным огнем с трех сторон. Несмотря на тяжелое положение мы вели бой до наступления темноты. Тогда, когда глаз перестал различать мушку, мне пришлось отвести свой отряд вверх по долине реки Ольги. Мы все время находились в непосредственной близости <от> белых. Белые после нашего отхода заняли нашу позицию и стали отыскивать наших убитых и раненых. Не найдя ни одного убитого, ни одного раненого с нашей стороны, белые ругали нас, что унесли своих раненых и убитых. Отойдя вверх по реке Ольге до пасеки, название владельца сейчас не помню я остановил отряд и послал

разведку в сторону позиций т. Глазкова, опасаясь оставить его одного, дабы не дать возможности белым захватить его отряд. Здесь я пробыв со своим отрядом до 12 часов ночи, после чего выяснил, что отряд т. Глазкова давным давно оставил свою позицию и ушел в сторону деревни Серафимовки. После этого я также снял свой отряд и двинулся в деревню Серафимовку.

Не удавшаяся фуражировка, стоившая белым больших потерь, привела их в уныние, они снова не вылезали из г. Ольги. Наша операция была сорвана – Ольга нами занята не была, отряд т. Аврелина, несмотря на все данные им возможности, хотя была сор... белых из г. Ольги, в Ольгу отряд Аврелина не вторгся.

В боевых операциях снова наступило затишье, в как во всяком затишье, начались неполадки среди партизанских отрядов, ибо внимание партизан и комсостава не было занято боевыми операциями. Мой отряд в 1919 году являлся единственным во всем Приморье отрядом, имевшим пулеметы, взятые у белых. Другие отряды пулеметов не имели, но каждому отряду хотелось иметь пулемет. Парфентий Шуббо, с приходом моего отряда в деревню Серафимовку, являясь местным жителем и имел склонность быть командиром отряда, решил организовать свой партотряд, но ему не хватало оружия и в частности пулеметов. Тов. Алютин, также выходец из тетюхинского партотряда, не ужившийся со мной, до моего похода ушедший под Ольгу, – также присоединился к т. Шуббо и они общими силами построили план захвата у меня пулемета. У пулемета в моем отряде были два брата Парфений¹ Шуббо, Онистифор и Николай, ими был намечен план в ночное время взять пулемет и уйти из отряда. Рассчитывали они главным образом на то, что я бы, во избежание междоусобицы между партотрядами, решительных мер вплоть до вооруженного воздействия не предпринял. Но они просчитались, их план был раскрыт мною своевременно, и я нарядив часть товарищей приказал им насильственным путем изгнать пулеметчиков от пулемета, а пулемет был сохранен в отряде. После этого я пошел в Серафимовскую школу, где находился вновь организуемый отряд Шуббо и там застал митинг, которым руководил т. Алютин. На этом митинге т. Алютиным был брошен мне упрек в том, что я считаю пулемет своей собственностью, но что пулеметы являются не моей собственностью, а собственностью революции. На это обвинение я выступил и сказал, что я со своим отрядом являюсь частью революции и владею пулеметом по праву. Каждый же партизанский отряд, который хочет иметь пулемет должен его взять с боя у белых. Я дам им адрес в Ольгу. Имея в своем отряде пулеметы я их ни в одном бою не использовал. В нашей борьбе пулеметы являлись для нас только обузой. Каждый патрон для нас представлял для нас очень высокую ценность и при стрельбе партизана каждый патрон был рас<с>читан на попадание в цель. Стрельба же из пулемета таких результатов дать не могла. Для выстреливания же патронов на ветер мы их не имели. Находившиеся в нашем распоряжении пулеметы имели только моральное значение, поэтому один из пулеметов я с удовольствием мог бы передать любому партотряду, если бы только я имел уверенность, что этот партотряд настолько организован, что не потеряет его. Однако, отряд организуемый т. Шуббо, мне особого доверия не внушал, и поэтому я и не решился, несмотря на притязания, передать ему пулемет. Единственным отрядом, которому я мог

¹ Так в документе, правильно «Парфения» (прим. ред.).

² Бухта (прим. ред.).

бы передать пулемет был отряд т. Глазкова, но он в этот момент поддерживал притязания Парфентия Шуббо, сам ко мне с просьбой о выделении ему одного пулемета не обратился. Дальнейшие совместные действия с партотрядами под Ольгой я после этого считал невозможными и решил действовать совершенно самостоятельно. В момент разработки плана дальнейших действий я получил из-за перевала от товарища Певзнера письмо. Товарищ Певзнер сообщил мне в письме, что на днях в Тетюхэ, в укрепленный белый лагерь прибывает замена из морских стрелков. Также он сообщил о том, что с морскими стрелками завязана связь и имеется полная надежда на переход не нашу сторону всего гарнизона. Он просил меня находиться своевременно в районе расположения под Ольгой с другими партизанскими отрядами, я решил вернуться в Тетюхэ.

Прибыли... двинулись в поход обратно в Тетюхэ. На отдыха в Суворовке ко мне в штаб явились два конника – разведчика отряда Глазкова, один из них товарищ...

С письмом т. Глазкова, в котором последний просил меня выделить один из имеющихся у меня пулеметов для его отряда, обещая применить его с пользой для революции. Я передал ему пулемет, а сам двинулся дальше в Тетюхэ. Отряд т. Глазкова действительно с пользой применил переданный мною ему пулемет. Спустя некоторое время, находясь за Сихотэ-алинским перевалом т. Глазков устроил засаду на японцев и задал им кровавую баню.

Возвратись в Тетюхэ я завязал связь с морскими стрелками. Общего перехода стрелков на нашу сторону не состоялось, заговор был раскрыт белым командованием. Многие из морских стрелков заплатились головами, гарнизон был снят и заменен другим. В связи же с развалом колчаковщины, переживанием ею последних дней, а также в связи с роспуском пленных после взрыва поезда, к нам потекли перебежчики. Перебежчиков мы принимали в отряд, и они вместе с нами участвовали в боях против белых. Весь этот период крупных боев не происходило, происходили мелкие налеты, которые не давали солидных результатов. Семо положение партизанских отрядов в нашем районе не могло иметь решающего значения для исхода революционной борьбы, ибо вся наша борьба проходила именно в мелких боях, стычках, делавших нас хозяевами положения и отвлекавшими от нас внимание белых сил. Так длилось до поздней осени! Белые несли урон, к нам же непрерывно поступали перебежчики, и силы наши увеличивались. Перед моментом падения белых я заболел, благодаря чему уход белых из Тетюхэ прошел для них безнаказанно, так как доверять кому либо боевую операцию я не мог, бросить же ... я находил бессмысленным, так как терять силы в момент агонии контрреволюции не имело никакой цели. Контрреволюция умирала сама по себе. Белые отряды оставили наше побережье, но у нас на побережье оставалась собственная контрреволюция. На мне лежала задача ликвидации местной контрреволюции. Основное контрреволюционное гнездо находилось в с. Ключи, б/х² Джигит. Там было крепко организованное ядро староверов, по своему количественному и боевому составу, состоявшее из замечательных таежников-охотников и превосходившее по боевым качествам мой партизанский отряд. Вступать в открытый бой со староверами было не выгодно, это грозило разгромом моему отряду. Здесь требовалась хитрость, над этим планом

нужно было подумать продолжительное время. Имея связь со староверов с преданным делу революции членом Тетюхинского штаба т. Чистяковым Максимом из дер. Куналей и Т. Вениамином Конусовым из деревни Филатовки, учитывая при этом состояние староверческого отряда, распределение постов и прочее, я двинулся со своим отрядом в поход против них только с 5 на 6 января 1920 года по старому стилю. Расчет был взят на то, что они в обычном порядке отпразднуют крещение Иисуса. Расчет был безошибочен. С 5 на 6 января я захватил две деревни: Духовку и Филаретовку. Крестоносные дружинники в этих деревнях были мною захвачены на богомолье и разоружены; были взяты заложники. Связь с селом Ключи, центром крестоносной дружины была прервана. Весь день 6 января я с партоотрядом пробыл в деревне Филаретовка в 5–6 верстах от села Ключи, ожидая наступления полуночи. Связь между деревнями была прервана, всякий приезжающий со стороны Ключей задерживался нами. Крестоносные дружинники в селе Ключи, в честь Христова праздника распивали медовицу, не чувствуя никакой опасности. После полуночи с 6 по 7 января отряд мой был разбит по частям и группам, а каждый отдельный боец получил отдельное задание, в мы под покровом темной ночи³ двинулись в поход... Маленькими группами и частично одиночками. Партизанами было захвачено жилище крестоносцев. Я же в это время с группой в 5 человек, при помощи Григория Милая, имея один пулемет стал занимать здание почты. В этом здании жил один из активных крестоносцев – начальник почты, чиновник Дементьев, который как раз в это время находился дома. Охватив здание почты со всех сторон и для морального воздействия открыв вдоль улицы пулеметный огонь – мы предложили Дементьеву сдаться. Дементьев не сдался – воспользовавшись темнотой, открыл дверь и на моих глазах бросил в мою сторону английскую гранату. Грена та упала вблизи меня. Где именно она находилась я, конечно, не видел, но слышал только звук от ее падения и в тот же момент, до взрыва гранаты, я вскинул винтовку и выстрелил три раза в сторону двери, из которой была выброшена граната. В это время взорвалась граната и оглушила нас. Один из осколков гранаты попал мне в область сердца, но благодаря большой пачке трофейных колчаковских денег, у меня в этом месте оказался только синяк, шинель же была вся изорвана. У старовера, который был у нас проводником, от взрыва из ушей показалась кровь. Но все же взрыв гранаты для нас прошел безболезненно, потерь с нашей стороны не было. Для Дементьева же брошенная граната даром не прошла, несмотря на полную темноту и стрельбу наугад, я прострелил ему ногу, но он раненый, воспользовался темнотой и не вернулся обратно в дом, а уполз и скрылся в поле, никем не замеченный.

Заняв здание почты и установив пулемет на позиции, мы с Милеем отправились проверять до селам выполнение данных боевых заданий. Большая часть дружинников нами была захвачена и разоружена. Многие из них схваченные врасплох, с похмелья, прятались в подвалы, но все были оттуда извлечены. Часть дружинников, главным образом вожаки, находились в отъезде во Владивостоке за обмундированием, оружием, снаряжением и деньгами, так, что в тот момент из вожаков был захвачен только один – бывший прапорщик империалистической войны... Кроме того, еще некоторые крестоносцы находились в

³ Так в документе, правильно «ночи» (прим. ред.).

соседних деревнях. Имея целью собрать их всех вместе, я выпустил воззвание ко всем крестоносцам, в которое предлагал всем бывшим крестоносцем вернуться домой, сдать мне все оружие и занятие мирный трудом, обещая при этом никаких репрессий и преследований за прошлое не применять. Все находившиеся в районе кре<сто>носцы доверились моему воззванию: вернулись, сдали оружие и были оставлены на свободе. В этот же день я собрал несколько староверческих собраний и напомнил им мой приход и разоружение их в 19 году. Я их старался убедить, что мы партизаны защищаем не чьи либо интересы, а интересы рабочих и крестьян в том числе и их интересы, разъяснил им, что они введены в заблуждение белыми эксплуататорами, в частности их вожаком Ворониным, который является спекулянтом и использует их в целях своей личной наживы, их же участие в борьбе против на<с> является борьбой их самих против их же собственных интересо<в>. При этом сказал им, что не принимаю против них жестоких репрессивных мер, несмотря на то, что они этого заслуживают только потому, что наша организация считает их заблудившимися<ся>. На одном же из собраний староверов я прямо заявил, что кроме убеждений, мы в дальнейшем будем действовать более решительно, применять более реальные меры и всякие выступления против революции будем уже карать, как считаем, что двукратного предупреждения вполне достаточно. На староверческие села мною была наложена контрибуция, выражавшаяся в усиленном довольствии моего отряда. Староверам это не нравилось, т. к. для села было необычно убивать скот, а тут приходилось ежедневно бить рогатый скот, чтобы прокормить партотряд. Оставаясь в селе Ключах, я вовсе не имел целью кормить свой отряд, – ожидая прихода из Владивостока парохода, который должен был привести крестоносным дружинам продовольствие, вооружение, снаряжение и деньги. Пробыв несколько дней и не дождавшись парохода, но будучи уверенным в том, что он придет в ближайшие дни и что у староверов есть договоренность его подхода: пароход должен получить сигнал о безопасной для него выгрузке. Я решил перед самым приходом парохода выйти из села Ключи и дал приказ о выступлении отряда. Отряд выступил, прошел более 10 км., дополнительным приказом я его остановил. Таким образом отряд, в том числе и мой помощник т. Назаренко, не знали намеченного мною плана. Пароход ожидался ночью и к поздней ночи я стянул свой отряд обратно к берегу, где приставали пароходы – к б/х Джигит, село Ключи. Вернув отряд, я расположил его по заставам. По приходе парохода мы переловили всех прибывших на нем крестоносцев из Владивостока. С берега на пароход никто попасть не мог, а на пароходе не ожидали появления партизан. Заняв кунгас, привезший пассажиров с парохода на берег, я посадил в него часть партизан, я решил сам поехать и занять пароход. Но когда я дал приказание отчаливать, партизаны запротестовали. Они никак не могли согласиться, что я сам поеду для захвата парохода. Я попробовал подчинить их моему требованию, но видя настойчивое несогласие партизан, мотивированное тем, что они боятся потерять меня, как руководителя партотряда – мне пришлось согласиться с ними и послать вместо себя настойчиво изъявившего желание поехать т. Назаренко. Подъехавшими на кунгасе партизанами пароход был занят безболезненно, так как кроме крестоносцев, не ожидавших появления парти-

зан, никакой другой вооруженной охраны не было. С парохода нами было взято много груза предназначавшегося для крестоносной дружины: несколько тысяч пудов муки, обмундирование, вооружение, снаряжение и, в частности, пулемет. Пароход с частью находившихся на нем активных белогвардейцев нами был не тронут и отпущен. Основанием для этого служила гарантия, данная Тетюхинским партизанским отрядом – Добровольному флоту о неприкосновенности заходящих сюда судов и их пассажиров. А штаб партизанского отряда района Тетюхэ никогда свои гарантии не нарушал. В данном же случае главную роль играло не данное слово, а революционная целесообразность. В момент занятия парохода, благодаря плохой связи, нам не был известен ход борьбы на ДВК, мы решили, что тому, кому следовало в этот момент потерять голову – благополучно ее сняли. Захватив все грузы, отпустив пароход, я снова расположил отряд в селе Ключи. На другой день было назначено собрание дружинников и вызваны Тернейские крестьяне, неоднократно терпевшие от налетов ключевских дружинников и белогвардейцев. Появившиеся тернейцы вели себя очень бурно и требовали расстрела, но штаб отряда, из тактических соображений, не пошел навстречу требованию. Во время этого собрания у меня возникла мысль обойтись с крестоносцами наиболее гуманно с тем, чтобы завоевать доверие остальной части контрреволюции Северного побережья, начиная от Совгавани и в дальнейшем безболезненно и окончательно ликвидировать всю контрреволюцию нашего побережья вместе с частью активных, заслуживающих сурового наказания ключевских крестоносцев.

Умерив страсти тернейцев и производя некоторую материальную работу между виновными и потерпевшими – я с отрядом вернулся в Тетюхэ. Возвращение мое совпало с годовщиной Тетюхинского восстания. Население Тетюхинского района вместе с партизанской организацией встретили меня и моих товарищей, вернувшихся из экспедиции с трофеями триумфом.

После празднования, жизнь потекла мирным порядком, боевых выступлений за отсутствием вооруженной контрреволюции не было. Здесь наша партизанская организация занялась разработкой плана ликвидации остатков контрреволюции на северном побережье. План был выработан, для его осуществления требовалось вооружение, снаряжение и плавсредства – у нас этого не было.

В марте 1920 года по зову военного совета при временном правительстве Приморской земской управы, а также для осуществления намеченного плана по ликвидации остатков контрреволюции – я с отрядом в 50 чел. молодых партизан выехал на пароходе во Владивосток.

Прибыв с отрядом во Владивосток, я обратился в штаб Крепости с просьбой о выделении мне казармы для размещения отряда, но штаб в то время подходящими жилыми казармами не располагал и предложил мне поселиться на пароходе «Печенге». Пароход «Печенга» представлял из себя моторное судно, стоявшее на приколе у пристани Совторгфлоте. Как помещение для отряда он представлял из себя ловушку, т. е. несколько человек могли закрыть выход отряду с судна на берег. Мое требование о даче соответствующего помещения на суше ни к чему не привели. Тогда после этого я обратился в военный совет при временном правительстве области. Зам. управы, непосредственно к т. Лазо с просьбой о разрешении мне вывести свой отряд в

Шкотово для временного соединения с другими партизанскими отрядами. Сначала я этого разрешения не получил и пришлось остаться с отрядом на пароходе «Печенга».

Для осуществления намеченной задачи – ликвидации остатков белогвардейщины на Северном побережье мною было передано тов. Лазо заявление, подлинник которого прилагаю. Тов. Лазо вместо того, чтобы выполнить мою просьбу, отложил разрешение этого вопроса до приезда делегатов.

Бесцельное блуждание по гор. Владивостоку и опасное положение партотряда на пароходе «Печенга», вынудили меня снова обратиться с настойчивыми требованиями к тов. Лазо о разрешении мне выхода из Владивостока в Шкотово. Сначала мне в этом тов. Лазо было отказано, но при более настойчивом моем требовании, когда я сказал, что если мне не разрешат выйти, то я уйду с моим отрядом самовольно – я получил разрешение.

В Шкотово я прибыл и влился во второй советский батальон, которым командовал тов. Глазков Степан. В Шкотовском гарнизоне находились довольно солидные силы партизан, организованные по типу регулярных частей, в центре этих частей были расположены японцы, что явилось большой угрозой для партотряда в случае внезапного нападения на них со стороны японцев.

Не имея времени для связи с другими партизанскими частями я советовался с товарищами Глазковым, Лабодой (политуполномоченный 2-го Советского батальона), а также тов. Кудрявцевым Дмитрием и ставил перед ними вопрос о необходимости принятия мер к обороне в случае внезапного выступления японцев против нас. В результате этого разговора, мне пришлось находиться во Владивостоке для осуществления через военный совет экспедиции и я настоятельно просил т. Глазкова, чтобы он на это время не покидал батальона, т. к. партизанским отрядом не могут командовать случайные люди, а только пользующиеся авторитетом партизанские командиры. В это время Шкотовский гарнизон был обескровлен, созданным в Никольск-Уссурийске съездом Советов, на котором присутствовали почти весь командный состав в качестве делегатов, а также и остальные части партотряда Шкотовского гарнизона.

Договорившись с т. Глазковым, 2-го апреля 1919 г. (1920 г.) я приехал во Владивосток. В последних числах марта во Владивосток прибыли делегаты Северного побережья, а 4-го апреля я получил разрешение военного Совета о снабжении меня вооружением, снаряжением и продовольствием. Имея на руках распоряжение Военного Совета, я направился для осуществления намеченной цели, но по пути проходя через 1-ю Морскую улицу, против вокзала, я встретил т. Глазкова и т. Кудрявцева, которые оставили 2-й советский батальон, несмотря на данные мне обещания не покидать его до моего возвращения. Учитывая тяжесть и опасность того момента для батальона, я довольно недружелюбно встретил т.т. Кудрявцева и Глазкова и стал их укорять в невыполнении денного обещания. Тогда т.т. Глазков и Кудрявцев обещали мне сейчас же вернуться обратно и безотлучно быть при батальоне. Получив их обещание, я поручил им рано утром выслать из моего отряда ко мне 10 человек для получения снаряжения Северной экспедиции, а сам остался во Владивостоке. Т.т. Глазков и Кудрявцев опять не выполнили денного обещания, в Шкотово не вернулись, а

остались еще ночевать во Владивостоке. Ввиду позднего получения распоряжения Военного Совета не руки, в остаток дня 4-го апреля, я ничего не добился. С наступлением вечера, я с товарищем отправился ужинать в шашлычную в подвале на углу Ленинской и 25-го Октября, против дома обл. Земской управы. Начавшегося японского выступления и стрельбы по городу в подвале слышно не было и лишь отправляясь домой часов около 11-ти вечера, выйдя на улицу, я узнал, что происходит. Дом обл. Земской управы обстреливался японцами, на Тигровой батарее горел сигнальный костер, возвращаться в шашлычную не было смысла, мне нужно было обязательно попасть на квартиру. Вместе с нами была одна женщина у которой остались дома дети, ее также нужно было проводить до дома. Несмотря на обстрел, мы двинулись по ул. 25-го Октября, по направлению к штабу. Дорогой нас никто не останавливал. Нам необходимо было дойти до домика находящегося против штаба крепости, рядом с вокзалом. В это время японцы штурмовали Штаб Крепости, на нас никто не обращал внимания. Однако, когда мы дошли до ворот двора домика, нас наскочил японский солдат и приставил мне к груди штык, задев на ломаном языке вопрос: «Куда ходи?» Я шел под руку с женщиной и имел в руке закрытый телом женщины взведенный кольт. В момент, когда мне задел вопрос японца у меня мелькнула мысль убить его и уйти, но пожалев находившихся мной товарищей, я спокойно ответил японцу: «Сюда ходи» – указав на домик. Удовлетворившись этим, японский солдат ответил: «Кара со» и пропустил нас в домик. Приведя домой женщину к детям, мне оттуда нужно было идти в дом по Ленинской улице, против холодильника, к знакомому железнодорожнику т. Протопопову, у которого я остановился на квартире, а также и другие товарищи из партотряда, прибывшие во Владивосток. Идти обратно по ул. 25 Октября было опасно, и мы решили пойти через вокзал по линии и с линии подняться в дом. Все знакомые товарищи, которые были со мной, были железнодорожниками, работавшими на вокзале. Группой человек в 5 или 6 мы двинулись к намеченной квартире, но выйдя на вокзал, были окружены и задержаны японцами. После вызова японского переводчика и переговоров с ним, мы были освобождены и пропущены дальше. Пройдя от вокзала немного по полотну, я увидел стоявший на парах паровоз и предложил машинисту принять меня на паровоз и отправить в Шкотово, но машинист не согласился, заставить же его силой, находясь в непосредственной близости к японцам я не мог. Отказавшись от мысли отправиться на паровозе мы благополучно добрались до квартиры т. Протопопова. Здесь по железнодорожному телефону, находившемуся в квартире т. Протопопова, мне удалось вызвать станцию Шкотово. К телефону подошел один из партизан моего партотряда тернеец т. Латкин, которому я дал задание немедленно сообщить Шкотовскому гарнизону о занятии г. Владивостока японцами. Шкотовский гарнизон, получив уведомление о японском выступлении нужных мер к обороне не предпринял. Имея задание Военного Совета ни в какие конфликты с японскими войсками не входить и возникающие малейшие недоразумения немедленно ликвидировать, – начальник Шкотовского гарнизона бывший офицер ... «выполнял» свято и «нерушимо» это задание. Получив сведения о выступлении японцев, Шкотовский гарнизон заволновался, партизаны по несколько раз одевались и раздевались,

входили в казарму и снова уходили, – в общем в гарнизоне создалась полная неразбериха. В течение этой неразберихи, японцы измерив каждый метр территории гарнизона и подготовившись к нападению, внезапно выступили и как нужно было ожидать захватили гарнизон врасплох. Гарнизон оставить без командира и имея по своим ротам большинство офицеров царской армии, вернувшихся из германского плена или из Франции, не доверяя им и их приказам не выполнялись. Отступление партизан шло беспорядочно, сопротивление японцам оказано не было. Отступая, партизаны несли большие потери, единственная мадьярская рота 1-го отдельного советского полка, попавшая в тягчайшее положение, дала бой японцам, но попав под прямой пулеметный огонь, понесла большие потери и только небольшая часть этой роты, осталась в живых. Партизанские части были разогнаны японским выступлением по окрестным селам и частично ушли на Сучан. 2-й Советский батальон, оставшись без командования, благодаря невозвращению Глазкова и Кудрявцева, также попал в тяжелое положение, но все-таки ему удалось отступить с небольшими потерями, увезти часть ценностей, а также сохранить пулемет. Один из пулеметов был спасен партизаном Глазовского отряда т. Ганзюком который благодаря своей физической силе схватил пулемет и вместе со станком под сильным японским огнем, унес вслед за отрядом. Сообщив в Шкотово по телефону, я из квартиры т. Протопопова больше нигде не пошел. Здесь мы с собравшимися железнодорожниками обсудили положение, но не приняв никаких решений, улеглись спать. На следующий день, рано утром, я был разбужен стуком в дверь – это меня разыскивал т. Алютин, который пришел ко мне за советом: что делать и как выбраться из Владивостока? Приняв решение идти из Владивостока, днем мне было опасно идти по улице города вследствие того, что меня знали в лицо многие белогвардейцы и их единомышленники, а поэтому я оделся для маскировки в форму железнодорожника и отправился с Алютиным. Дойдя, приблизительно, до Алексеевской улицы, Алютин уговорил меня подняться вверх в гору, где он кого-то хотел найти. Водил он меня продолжительное время, но никого не нашел. Мне в конце концов надоело ходить с ним, и я предложил, что если он хочет выходить из города, то пусть выходит сейчас же, а если не хочет, то пусть остается. Тов. Алютин не рискнул остаться один и пошел со мной. До Гнилого угла мы дошли благополучно, но тем, в Гнилом углу, мы встретилидвигающиеся японские части, возвращавшиеся с разгрома казармы наших войск. Во избежание неприятных случайностей, мы с Алютиным зашли в какой-то кабачок, где просидели до прохода частей японских, после чего вновь отправились по направлению к бухте Горностай. Здесь нам попал навстречу один из бывших партизан моего отряда – Трунов и еще кто-то фамилии которых не помню. Здесь мы уже группой вышли из города без оружия, все, и незначительный японский разъезд мог нас истребить. Тов. Алютин чрезвычайно задерживал наше движение, будучи от природы «очень осторожен», он отставал от нас на полкилометра и больше, и благодаря холмистости местности мы его теряли из вида. Не желая оставить его, как товарища одного, я останавливался и поджидал его. Наш путь лежал по пути отступления одного из крепостных полков, который отступая побросал патроны, винтовки, ранцы и проч. имущество. Мы же наученные опытом, не могли оста-

вить так необходимые для нас предметы. Пройдя сравнительно небольшое расстояние мы все имели винтовки, патроны, ранцы с вещами, одеялами, одним словом, все необходимое для похода и обороны. Теперь же для нас небольшой разъезд японцев, не представлял никакой опасности. Двигаясь таким образом, в течение нашего пути до берега Уссурийского залива, наша группа увеличилась до 15–20 человек, что в условиях гражданской войны представляло из себя некоторую боевую силу. На берегу Уссурийского залива, на рыбалке, мы взяли еще несколько винтовок, которые передал нам служащий рыбалки (фамилии его сейчас не помню). Там же на рыбалке к нам присоединились пришедшие туда 5–6 чел. рабочих, уходящих из города. Имея с собой подобранное оружие, патроны и другое снаряжение, сверх необходимого для собравшегося небольшого отряда, мы не могли двигаться пешим порядком, нам нужны были средства передвижения. К нашему счастью, пришла корейская шаланда и бросила якорь вблизи берега. Однако, попасть на нее мы не могли, потому что корейцы не хотели подать к берегу шлюпок. Тогда нам пришлось взять шлюпку с рыбалки и принудить корейскую шаланду пристать к берегу. Погрузившись с отрядом и имуществом на шаланду, мы сейчас же снялись и отправились в бухту Кангауз, на другую сторону Уссурийского залива, где разгрузившись, мы перебрались в дер. Петровка, Шкотовского района, где встретились с отрядом моряков под командой лейтенанта Михаила Михайловича Бутовича, который перед этим побывал во многих белых армиях, в частности у Деникина, разочаровался в белогвардейщине и решил работать с советской властью. Он тоже в момент японского выступления, возглавив своих моряков, вывел их из города. При встрече мы соединили отряды. Я взял на себя командование, а т. Бутович выполнял роль моего помощника. Тов. Бутович, выходя из Владивостока организованным порядком, также на своем пути подобрал часть брошенного оружия и патронов, а кроме того, ему посчастливилось подобрать один брошенный пулемет. Имущество было разбросано 10-м крепостным полком, который отступал в панике. В дер. Петровка к нам примкнула часть местных партизан и мы двигались по направлению к Сучанской ветке на станцию Новонежино. Не станции Новонежино находилась разведка Сучанского отряда под командой тов. Шулана. Зная, что впереди наши, мы вперед себя разведки не посылали и связи с Шуланом не поддерживали. На пути нашего движения, кого-то из крестьян одетая на мне форма железнодорожника привела в заблуждение и он, сумев опередить нас, сообщил разведке Шулана, что идет какой-то белогвардейский отряд под командой офицера, одетого в военную форму. Тов. Шулан, узнав это, послал вперед заставу и решил встретить нас боем. Благодаря тому, что мы двигались днем, то застава рассмотрев, что движется чрезвычайно пестрая публика решили, что это свои и пошли нам навстречу. Недоразумение могущее выразиться в боевом столкновении, миновало. Мы свободно прибыли на станцию Новонежино, где и расположились на отдых. Со станции Кангауз железнодорожниками был подан нам поезд и мы отбыли в поселок Кангауз, где и был расквартирован отряд. Расквартировав отряд, с небольшой честью его, опять на поезде, я двинулся не станцию Новонежино и оттуда, вместе с сучанской разведкой производил разведывательные поиски в сторону Шкотово с целью выяснения поло-

жения. Для разведки непосредственно внутри села Шкотово, мы использовали одного из сучанских рабочих и женщин: Медушевскую, Булавкину Анну Михайловну и других.

Потратив несколько дней на разведку и выяснив положение, я решил собрать находящихся в окрестностях деревнях и долине Сучана остатки, разгромленного моего и других отрядов и двинуться на Амур. Побывав на Сучанском руднике в дер. Казанке и других деревнях, я собрал большое количество партизан, но у многих из них идти в дальний поход не было никакого желания. Партизаны обвиняли командование в измене, доверие было поколеблено. Основная же причина нежелания идти в поход было стремление вернуться домой, так как в Шкотовском гарнизоне была собрана преимущественно молодежь из села, которая в большинстве своем не принимала активного участия в период гражданской войны, а была собрана, как военнобязанная. Сбор отряда на ст. Кангауз, совпал с празднованием Пасхи и, железнодорожники, желая выразить внимание нашему отряду, завалили наш вагон-цейхауз калачами и проч. снедью, затем прицепили к нашим вагонам паровоз и отвезли нас в село Новонежино. В селе Новонежино, мы простояли два дня. Здесь была произведена организация партотряда, после чего мы выступили в поход. Мы шли с обозом из крестьянских лошадей, которые везли за нами ящики с патронами и проч. снаряжением. Во время пути, часть партизан нашего отряда, сговорились между собой и во время движения через перевал от деревни Стекланухи, отстала и разошлась по домам. Здесь я потерял часть хороших боевых партизан тернейцев, которые поддались агитации за возвращение домой и оставили отряд. В отряд ко мне влилось довольно значительное количество эмигрантов из Америки, преимущественно анархистов, которые не желали подчиняться никаким распоряжениям и вносили дезорганизацию в отряд. Для принятия жестких военных мер момент был неблагоприятен, моральное состояние отряда было неважное, вследствие чего, вместо того, чтобы наказать эту группу эмигрантов за дезорганизацию отряда, мне пришлось их выгнать из отряда. Уже одно удаление их принесло свои плоды и дисциплина в отряде поднялась, отряд стал более дисциплинирован и боеспособен.

Мы двигались без дневков. Мой отряд отступал последним. Крестьянам, в особенности крупных зажиточных сел реакционно настроенных не нравилось оказывать нам помощь и предоставлять обозы для перевозки снаряжения. В каждом селе приходилось собирать сходки, агитировать и требовать. В общем все было благополучно, все шло гладко и мы быстро продвинулись до Сучанской ветки, а оттуда на ст. Иман. Здесь мы догнали 10-й полк, который разбросал по дороге патроны и пулемет, находившийся теперь у нас. Командование 10-го полка, узнав об этом, что их пулемет находится у нас, решило отобрать его, т. е. получить обратно и пошло и заявило начальнику гарнизона о том, что я ограбил их полк. Они потребовали возвращения им пулемета. Начальник гарнизона, фамилии его не помню, вызвал меня в штаб и предъявил обвинение в мародерстве, объявив меня арестованным. Это было для меня полной неожиданностью. После некоторого размышления я ответил начальнику гарнизона, что когда я буду заниматься мародерством и попадусь к нему в руки, то тогда я позволю себя арестовать, но сейчас, арестовывать себя я

никому не позволю и, если он не изменит тона, то я буду с ним говорить по-другому. Тогда начальник гарнизона изменил тон и сказал, что он пошутил. Жалоба на меня была подана и он доложил об этом рев. штабу в лице Слинкина И. В., Кокушкина и других. Ревштаб запретило ему предпринимать какие-нибудь меры против меня, т. к. считал обвинение необоснованным. Начальник гарнизона видимо хотел меня напугать и отомстить за ночную встречу накануне, когда он при встрече со мной и тов. Бутович^{ем} и санитаром нашего отряда тов. Булавкиной, обошелся с нами чрезвычайно грубо, за что и получил от меня соответствующую отповедь.

На Имане мы простояли несколько дней, но стоять дальше там было нельзя. Мой отряд был хорошо вооружен, партизаны главным образом, разведчики имели револьверы. Среди же собравшихся остатков партизанских отрядов, было много мелкого комсостава, многие из которых работали в ревштабе и гарнизоне, но по-видимому, в момент паники, растеряли свое оружие и искали теперь случая, где бы приобрести его. Благодаря этому, если только кому либо из моих партизан приходилось отлучиться из отряда, его захватывали и отбирали у него револьвер. Отряд возмущался и мне приходилось зачастую, чуть ли не насильственным путем отбирать у этих «героев-командиров» захваченное ими оружие. Дальнейшее нахождение на Имане было бесцельно и я с отрядом двинулся на ст. Верино, где поступил в распоряжение командующего Хабаровским боевым участком тов. Булгакова-Бельского. В это время партизанские отряды вышли из подчинения и самовольно отправлялись через реку Амур в Амурскую область. Хабаровский боевой участок не смог организовать прикрытие переправы от японцев со стороны Хабаровска и дал мне задание прибыть в поселок Казакевичи, отстоявший около 30-ти километров от г. Хабаровска на берегу реки Уссури против Бешенной протоки. На прикрытие переправы в пос. Казакевичи, я со своим отрядом прибыл 1-го мая 1920 г. Здесь с т. Бутович^{ем} мы распределили роли. Тов. Бутович с моряками, получив переданную нам Хабаровским боевым участком морскую пушку, установил ее для прикрытия переправы против судов, а я на себя с партизанами взял разведывательные поиски и оборону против пеших частей японских войск.

Продолжение следует